

Два загадочных *бейта* в «Диване» Низари Кухистани

Ю.А. ИОАННЕСЯН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.17816/WMO83933

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

Аннотация: Статья посвящена двум неясным *бейтам* в «Диване» Низари Кухистани по рукописи из Российской Национальной Библиотеки (РНБ). Эти *бейты*, написанные на неизвестном диалекте (диалектах), обычно не попадают в изданные в Иране тексты поэзии Низари, так как либо отсутствуют во многих списках, либо рассматриваются издателями, которые не понимают их смысла, как «искаженные». В статье на основе данных диалектологии (персидской и иранской), а также сопоставления с другими *бейтами* «Дивана» Низари на классическом персидском языке выдвигаются гипотезы и предлагаются версии, позволяющие осмыслить эти туманные стихи, и делается попытка разгадать их загадку.

Ключевые слова: Низари Кухистани, персидская мистическая поэзия, иранская диалектология.

Благодарность: Особую благодарность за помощь и консультации в некоторых аспектах тюркологической проблематики выражаю м.н.с. ИВР РАН М.А. Козинцеву, а также советнику ИВР РАН д.ф.н. З.А. Юсуповой за указание на ценный источник.

Для цитирования: *Иоаннесян Ю.А.* Два загадочных *бейта* в «Диване» Низари Кухистани // Письменные памятники Востока. 2021. Т. 18. № 4 (вып. 47). С. 53–75. DOI: 10.17816/WMO83933.

Об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2021

*Светлой памяти дорогого учителя Ч.А. Байбурди
посвящается*

В далеких 1970-х годах Чингиз Алиевич Байбурди — наш университетский преподаватель и известный исследователь творчества выдающегося персидского поэта Хакима Низари (1247–1320 гг.), зная о моем увлечении персидской диалектологией,

воодушевил меня на попытку разгадать два малопонятных *бейта* в «Диване» Низари, написанных на диалекте. Но потребовалось еще сорок лет неустанных занятий, и не только диалектологией, прежде чем у меня появились гипотезы, которые я предлагаю в этой статье.

В РНБ в Санкт-Петербурге имеется ценнейшая рукопись *Куллийата* Низари, которая и послужила основой исследования Ч.А. Байбурди. Она подробно описана в его книге (Байбурди 2018: 12–23) и включена в изданный каталог персидских и таджикских рукописей РНБ (Костыгова 1989: 127–128). Мы познакомились с этой рукописью в процессе работы над настоящей статьей, но привлекли для нее и опубликованные иранскими коллегами источники и научные статьи. *Бейты*, о которых идет речь, предположительно написанные на диалекте (диалектах?), процитированы в книге Ч.А. Байбурди (Байбурди 2018: 239). Чингиз Алиевич предлагал мне начать свои изыскания с того из них, первое полустишие которого понятно, так как отражает язык классической персидской литературы:

کس را مجال قربت او نیست جز ترا ای ما مژند کو جمنکی مشو بیور
(Байбурди 2018: 239)¹

Первая часть действительно не вызывает сложностей перевода: «Никто не в силах приблизиться к нему (Нему?), кроме тебя». Эта фраза может быть осмыслена сквозь призму одной из частых тем в поэзии Низари. Поэт, который принадлежал или тяготел к исмаилизму и творчество которого глубоко мистично, утверждает, что основным препятствием на пути к божественному выступает сам человек. Трансцендентная реальность всегда рядом, но для того, чтобы ее обрести, следует убрать пелену с глаз, то есть удалить «самого себя», так как, пока человек существует в «самом себе», божественное для него недоступно. И никто не в силах сделать это (т.е. выйти за пределы своего низшего «я»), кроме самого человека:

تو تا برون نروی پاک در نیاید دوست مکن به شرکت خویش این یگانگی به زیان
تودور می روی و او بسی قریب ترست
(Mosaffâ 1371: II, 202, № 957)²

«Пока ты полностью не выйдешь вон, Друг не войдет.
Не обращай своим соучастием это единство во вред.
Ты устремляешься вдаль, а Он намного ближе»³;

نزاریا چه کنی قصه چاره چیست همین ز خویشتن ببردن به دوست پیوستن
(Там же: 204, № 960)

Что будешь делать, Низари, в чем выход из этой истории? Он —
В том, чтобы порвать с самим собой и присоединиться к Другу»;

غیر تو هیچ نیست حجابی چو بگذری دانی که بعد قطع سفر در چه منزلی
(Там же: 545, № 1279)

¹ Л. 147а рукописи.

² Здесь и далее после номера страницы указан номер *газели*.

³ Здесь и далее перевод наш.

«Кроме тебя, нет иной завесы, лишь переступишь (букв.: перейдешь) [чрез себя],
Как узнаешь, на какой стоянке ты после прекращения странствия»;

4 او با تو در حضورست اما خير نداری ...
بگذر ز خود که هیچی وز هیچ هیچ ناید تا با تو هیچ ماند زین ره گذر نداری
(Там же: 461–462, № 1196)

«Он постоянно соприсутствует с тобой, но ты не ведаешь о том...
Отрешись от себя, ибо ты — ничто, а из ничего не происходит ничего.
Пока остается при тебе „ничто“, по этому пути у тебя прохода нет».

Переходим ко второму полустушию. Мы предлагаем читать первое слово в нем как «луна». С лингвистической точки зрения такое прочтение допустимо, особенно с учетом того, что фраза, если и не написана целиком на каком-либо одном диалекте, не отражает языка классической персидской литературы и представляет собой отклонение от его норм как в лексическом, так и в фонетическом смысле. Отпадение конечного [h] в этом и других словах отмечается во многих персидских и северо-западных иранских диалектах⁵. В хорасанских, включая бирджандский (Низари был родом из района Бирджанда), это происходит регулярно: mâh > mâ (Rezaee 1998: 431). То же отмечается и в прикаспийских диалектах — гилянском и мазандаранском (ОИЯ 1982: 498; Керимова и др. 1980: 158, 352). В поэзии Низари нам также встретились слова с отпадением конечного [h] в поствокальной позиции: پادشا вместо پادشاه «падишах» (Mosaffâ 1371: I, 200), گیا вместо گیاه «растение» (Там же: II, 586, № 1314).

Исследователи творчества этого поэта А. Ханиани и Р. Шарифи пишут, что Низари использует образ «луны» ماه в числе прочих образов для обозначения возлюбленного/возлюбленной محبوب/معشوق (Xâniâni, Šarefi 1393: 1694). Они отмечают, что «возлюбленный/возлюбленная» в произведениях Низари выступает в разных вариантах: «земного/земной» — معشوق زمینی и «мистического/мистической» — معشوق عرفانی (Там же: 1695). Последнее подразумевает духовную или божественную реальность. Р.С. Азар, указывая на большую распространенность и важность метафор в поэзии Низари, приводит в качестве примера *be'it* с использованием метафоры «луны» ماه для обозначения «друга с красивым лицом» — یار زیبارو :

سر مست درآمد ز درم نیم شبی دوش ماهی که به یک غمزه ببرد از دل ما هوش
(Âzar 1391: 81)

«Вчера, полуночную порою, вошла ко мне чрез дверь в хмельном веселье
Луна, что одним кокетливым взглядом похитила разум моего сердца».

В подробном списке метафор в поэзии Низари, приводимом М. Мохатгегом и Р.С. Азаром, «луна» фигурирует в нескольких значениях, включая связанные между собой: «возлюбленного/возлюбленной» — محبوب/معشوق, «лика (друга)» — روی, «вина/чаши с вином» — باده, «кубка» — قَدَح, «надежды» — امید (Mohaqqeq, Âzar 1389: 45). Действительно, в «Диване» Назари встречается множество случаев использования

⁴ Здесь и далее троеточием обозначаются выпущенные строки.

⁵ Оно также зафиксировано в ранних классических текстах: mā u âftâb «луна и солнце» (Lazard 1963: 170).

«луны» как метафоры при указании на «друга», «возлюбленного/возлюбленную». При этом имеются примеры обращения автора к «другу», в которых слово ماه предваряется междометием «ей» — ای:

ز درم ای ماه درآ تا شود اختر برگشته من مستقیم
(Mosaffâ 1371: II, 167, № 922)

«Войди в мою дверь, о луна, чтобы исправилась (букв.: выпрямилась) отвратившаяся [от меня] моя звезда!»

Синонимами «луны» в этом символическом значении выступают в числе прочих «друг» — یار, «кумир» — یت, «пéри» — پری, «луноликий/лунолика» — ماهرو, «гюрок» — ترک и др. О последнем будет сказано отдельно, а сейчас проиллюстрируем синонимичность этих метафор на примерах:

چو ماه از پرده شد پیدا تحمل کی کند شیدا که را باشد درین سودا مجال خوردن و خفتن
(Там же: 207, № 962)

«Лишь появится луна из-за покрыва, ужели выдержит [сие] обезумевший влюбленный?

Кому достанет силы есть и спать при этой страсти?»;

برقع برافکن یک زمان آخر ز یار مهربان روی تو ماه آسمان در پرده بنهفتن که چه ...
بس غافل از کار من از چشم شب بیدار من از اشک گوهر بار من در دانه ها سفتن که چه
این جا سخن کوتاه به رویم بتا بر ماه به

(Там же: 335, № 1075)

«Сбрось наконец ненадолго с ласковой подруги головное покрывало, Лик твой — луна на небосводе, для чего его прятать под покрывалом?.. Ты в совершенном неведении о моих делах, о моих глазах [после] бессонных ночей, О моих проливающих жемчужным дождем и сверлящих камень слезах, почему так?

Здесь лучше смолкнуть, а лицу моему, о кумир, лучше быть обращенным к луне»;

ماه رویا بسوزم ار برسی بر سر راه من به سیاره⁶
از تو دارم طمع که یاد آری از نزاری زار بی چاره
(Там же: 353, № 1093)

«О лунолика, сторю я, если ты выйдешь Со своим караваном на мою дорогу. Питаю страстное желание, чтобы вспомнила ты Жалкого, несчастного Низари»;

به بالینم فراز آمد میان خواب و بیداری بتی ماهی نمی دانم سروشی بود پنداری
(Там же: 463, № 1198)

⁶ Это слово поясняется в критическом издании «Дивана» Низари как کاروان و قافله (Mosaffâ 1371: II, 353).

«Между сном и явью над моей подушкой взошло [нечто] —
Кумир, луна, не знаю, будто ангел-вестник»;

یا رب آن ماه است و یا خورشید یا بُت یا پری...
سرو خوانم قامتت را یا صنوبر یا خدنگ
(Там же: 478, № 1228)

«Господи, то луна или солнце, кумир или пери?..
Назвать ли „кипарисом“ мне стан твой, или „сосной“, или „тополем“?»;

چون کنم دستم رسد آیا بدان ترک چگل...
کس چون من ماهی ندارد مهربان و کینه توز
(Mosaffā 1371: I, 1387, № 867)

«Что мне делать, разве достичь моей руке того очаровательного тюрка/той
очаровательной тюрчанки⁷?..
Ни у кого нет такой луны, как у меня, ласковой и мстительной,
Ни у кого нет такого друга, как у меня, восторгающего и разрывающего сердце»;

سروی بنا یا بوستان ترکی نگارا یا پری
(Mosaffā 1371: II, 498, № 1233)

«О кумир [мой], кипарис или цветник, о красавица тюрчанка или пери!»;

دوش من بودم و خورشیدی و خوش مهتابی...
مجلس آراسته از طلعت خورشید و چو ماه
ساقی پیش چو کوه از پس در بوابی
(Там же: 394, № 1130)

«Вчера были я, солнце и веселая луна...
Собрание было украшено ликом солнца; луноподобный
Виночерпий — впереди, а за дверью — привратник как гора».

Тема «мистического виночерпия», синонимом которого выступает «луна», представлена и в других *gazeliya* Низари, например: «بيار ای ماه مهرازی می» (Там же: 570, № 1300) «неси вина, о щедрая на любовь луна!», ср.: «ساقیا می بیار» (Там же: 572, № 1302) «неси вина, о виночерпий!». В этом же значении «мистического возлюбленного» выступают «Хизр» и «Йусуф/Иосиф»:

خضروقتی ای لب آب حیات...
تا که را خواهی نمودن ماه روی
ماه رویا راست گو تا می روی
زهره از رقص تو در حیرت بماند
هم چو مه گوئی به جوزا می روی
(Там же: 621, № 1349)

«Хизр [своего] времени⁸, о ты, чьи губы суть живая вода!..
Кому хочешь явить ты луну лика [своего]?»

⁷ Букв. «тюрчанки/тюрка из Чигила». Чигил — изначально топоним (см. пояснение к нему ниже), но в словаре Деххода переводится иносказательно как زیبارو.

⁸ «Хизр своего времени» — одно из обозначений «имам времени» в поэзии Низари. «Имам времени» — высшее лицо в иерархии исмаилитов-низаритов, служащее, по их представлениям, олицетворением «Скрытого имама» в каждую эпоху.

О луноликая, правду скажи, пока ты шествуешь...

Венера изумлена танцу твоему, ты идешь/плывешь словно луна к
[созвездию] Близнецов»;

چه خوش بود که به بالین خفته ناگاهی
چو چشم باز گشایم مرا رسد ماهی...
چو یوسفی که برآرد سر از بُن چاهی
(Там же: 626, № 1354)

«Как приятно, если неожиданно у подушки во время сна,
Лишь раскрою широко я глаза, как взору открывается луна...
То подобно Йусуфу, что поднимает главу со дна колодца».

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют призывы к «возлюбленному/возлюбленной» в поэзии Низари обозначаемым словом «луна» или другими метафорами, выступающими синонимами этого слова. Таким образом, сочетание *ای ما* в начале разбираемого нами полустушия, с поправкой на диалектное произношение, вполне может соответствовать столь часто встречающемуся в поэзии Низари обращению к «возлюбленному/возлюбленной» *ای ماه* «о луна!...». При этом, как было указано выше, адресатом такого обращения выступает как обычный, «земной человек», так и некая «мистическая реальность», что не всегда отчетливо различимо в тексте. Вполне вероятен также и двойной смысл, точнее два аспекта/плана смысла — внешний, относящийся к «земному» объекту, и скрытый, глубинный — духовный, что присуще мистической поэзии в целом. Для нас же в данной статье это различие не будет иметь значения.

Предлагаемое нами прочтение полустушия основано на том, что слово, следующее за *ماه* (ماه), выступает определением к нему и представляет собой географическое название. Сочетания существительного *ماه* или синонимичных ему в данном контексте слов с географическими названиями в качестве определения к первому распространены в персидской поэзии. Они широко представлены в таджикском толковом словаре Фарханги забони тоҷикӣ, ориентированном на персидско-таджикскую классическую поэзию: *moh-i Qan'on/Qan'oni*⁹ (ماه قنعان/قنعی) «ханаанская луна» — иносказательное обозначение Йусуфа/Иосифа (здесь и далее: Шукуров и др. 1969: 705, 216), *moh-i Naxšab* (ماه نخشب) «луна Нахшаба» — название «рукотворной луны», которую, согласно преданиям, ал-Муканна' извлекал для демонстрации «чуда» из колодца на горе Сийам (таджикское: *Siyom*), отсюда другое название этой «луны»: *moh-i Siyomi* (ماه سیامی). Нахшаб — город, расположенный на территории современного Узбекистана, как и указанная гора. Упоминания этой «луны» встречаются, например, у Рудаки и Низами. Ср. примеры со словом *بت*, таджикское: *but* «кумир, идол»: *but-i Xallux* (بت خلیخ) «кумир (т.е. красавица) из Халлуха (Халлух — район на территории Кашгарской провинции), *but-i Ćigil* (بت چگل) «кумир из Чигила» (Чигил также расположен в Восточном Туркестане, ср. пример с этим топонимом из поэзии Низари выше). Обратим внимание на то, что определением к существительному может служить как само географическое название, так и образованное от него относительное прилагательное.

Подобные словосочетания с географическими/этническими названиями или понятиями присущи и поэзии Низари: *ترک من و آشوب دل خاتون ماه خاوری* (Mosaffā 1371: II, 497,

⁹ Мы для удобства передаем эти примеры в латинской графике.

№ 1233) «моя тюрчанка, тревога сердца, госпожа восточная луна/луна востока!», رسید نماز شام ای بت سمرقندی (Там же: 431, № 1168) «наступил вечерний намаз, о самаркандский кумир!», غمزه مست صنم بابلی زلف پر آشوب بت غنغلی (Там же: 543, № 1277) «жеманный взгляд опьяненного вином вавилонского (бабольского?)¹⁰ идола, взлохмаченные локоны кумира канглы»¹¹, لب شیرین تو وشکر خوزستانی¹¹, نيفة نافه پرچین عرقچین تو شد رشک ترکان ختایی و بتان ختنی (Там же: 596, № 1323) «твой упоительный стан и кипариса Кашмира стать, твои сладкие губы и хузистанский сахар», ای گر درآید ز درم پلتهای تسمه تویی توبتعیکی، کاک موسکوسنی مشوچک (Там же: 601, № 1328) «плетеная тесьма твоей тубетейки, как мускусный мешочек у газели, вызвала зависть у китайских тюрков и хотанских кумиров», سرمست یار قایینی (Там же: 613, № 1340) «о, если бы вошел ко мне чрез дверь в хмельном веселье кайинский друг!¹²». Приведенные выше примеры подкрепляют нашу гипотезу о том, что и مژند в сочетании ای ما مژند может быть и, скорее всего, является географическим/этническим названием или понятием.

Возникает вопрос: с каким топонимом можно соотнести слово مژند? Схожее название в форме ماژان можно найти в пределах Хорасана, причем и довольно близко к Бирджанду и Кайену, где, соответственно, родился¹³ и провел значительную часть жизни Низари. Так, в районе Хусфа (одного из предместий Бирджанда) находится селение Мажан. В такой форме этот топоним зафиксирован на советской географической карте 1986 г. Более развернутое описание данного селения таково: деревня Мажан находится в 36 км от г. Бирджанда. Она расположена в Джолге-йе Мажан (долине Мажан) округа Хусф, провинция Южный Хорасан. Этот необычный для современного персидского языка топоним объясняют, в частности, его среднеперсидским происхождением и древней историей Бирджанда, восходящей к временам поздних Сасанидов, когда население этого города составляли зороастрийцы, связанные лингвистически с зороастрийцами Йезда и Кермана¹⁴. То же название представлено и в Северном Хорасане. Так на языке современных реалий обозначен объект экологического туризма вблизи Мешхеда: اقامتگاه بوم گردی ماژان «экожилье, отель/усадебя эко-туризма Мажан» (сам дом построен во времена династии Каджаров). Хотя фонетически полного совпадения между ماژان на современных картах и مژند (в одном из вариантов написания: ماژند)¹⁵ у Низари нет, эти отличия можно было бы объяснить и происшедшими за долгие века изменениями в произношении, и потребностями поэтического размера, выражавшимися, в частности, в замене долгих гласных краткими, что наблюдается не только в классической персидской поэзии в целом, но и достаточно часто у Низари, и, наконец, особенностями хорасанских диалектов, в которых исторически долгое «а» в безударной позиции обычно заменяется исторически

¹⁰ Слово может быть прочтено двумя способами. Баболь — город в иранской провинции Мазандаран.

¹¹ Канглы — тюркское племя, известное со Средневековья и обитавшее в приаральских степях.

¹² Кайин, в современном произношении Кайен — город в южном Хорасане вблизи Бирджанда. В Кайене провел большую часть жизни Низари.

¹³ Поэт родился в селении Фоудадж в районе г. Бирджанда.

¹⁴ Диалекты зороастрийцев Йезда и Кермана (*габри*) относятся к т.н. «диалектам Центрального Ирана» (ОИЯ 1997: 195–196), характеризующимся наличием существенных черт, сближающих их с северо-западными иранскими диалектами.

¹⁵ В таком виде это слово в данном стихе представлено на сайте: https://fa.wikipedia.org/wiki/%D%A%AF%D9%88%DB%8C%D8%B4_%D8%A8%DB%8C%D8%B1%D8%AC%D9%86%D8%AF%DB%8C

кратким «а» (см. ниже). Сильным аргументом в пользу отождествления مژند у Низари с современным ماژان вблизи Бирджанда и Кайена выступает и то обстоятельство, что о «кайенском друге» (يار قايینی) Низари говорит в одном из *бейтов* (см. выше).

Однако, сколь бы ни было заманчивым локализовать مژند в Южном Хорасане, мы склоняемся в данном вопросе к альтернативной гипотезе — к «мазандаранской». Географический термин مازندران (Мазандаран) представлен, как указано, в частности, в словаре Деххода и в кратком варианте: مازند. В том же словаре отмечается и дублетная форма مازندران: مازندران. Последняя приведена и в других источниках (Barretto 1806: 302). Если форма مازندران имела краткий вариант: مازند, то вполне логично было бы допустить аналогичный вариант и для مازندران: مازند. Уже отмечалось, что в одной из редакций поэтического «Дивана» Низари слову مژند данного *бейта* в Санкт-петербургской рукописи (с проставленной огласовкой «пиш» над буквой «мим») соответствует مازند. Во всех случаях произношение مازند как mužand/možand полностью соответствует фонетическим нормам хорасанских персидских диалектов. Так, исторически долгий «а» в них в безударной позиции утрачивает огубленность и переходит в варианты исторически краткого «а», а в соседстве с носовыми, включая позицию после них, еще и трансформируется в «о» или «и»¹⁶. Мы отмечали оба явления в гератском диалекте и первое из них в кайенском в своих работах, ср.: jaru (<jārub) «метла», sabun (<sābun) «мыло», modar (<mādar) «мать», mor (<mār) «змея», mo/mu (<mā) «мы» в гератском диалекте, xali (<xāli) «пустой», tarik (<tārik), šāftalu (<šāftālu) в кайенском (Иоаннесян 1999: 19, 21, 27; Иоаннесян 1998: 71¹⁷). На тот же переход (ā>a) в безударной позиции в бирджандском диалекте указывает Дж. Реза'и в своем пространном труде по бирджандскому диалекту (Rezaee 1998: 84). Таким образом, переход Māžand>Mužand/Možand сообразуется с фонетическими тенденциями диалектов хорасанского региона, и мы предлагаем видеть в مژند краткую форму географического названия مازندران как зафиксированного в словарях варианта مازندران, с поправкой на диалектное произношение.

Следующие два слова в полустишии: كۆجمنكى مَشُو. Ч.А. Байбурди отделяет كو от последующего слова, однако мы, обратившись к Санкт-петербургской рукописи, не увидели в كۆجمنكى два разных слова. Мы полагаем также, что буква ج здесь использована для передачи звука [č] вместо буквы چ, что довольно типично для старых персидских рукописей¹⁸. Слово مَشُو легко узнаваемо. Это, наиболее вероятно, повелительное наклонение глагола شدن с отрицанием. В таком виде данная форма представлена не только в языке классической персидской литературы, но и в современном бирджандском диалекте, в котором частицей отрицания в повелительном наклонении служит ma- (Rezaee 1998: 293). Таким образом, в сочетании كۆجمنكى مَشُو можно усмотреть форму повелительного наклонения сложного глагола, именной частью которого выступает كۆجمنكى, в транскрипции согласно нашему прочтению: kušmanaki. Остановимся на этом слове.

В kušmanaki отчетливо выделяется окончание, в котором можно видеть две распространенные в персидском языке морфемы — суффикс -ak и постпозитивный показатель единичности и неопределенности: *ia-īe vaḫdat*. Использование этого суф-

¹⁶ Последняя тенденция четко зафиксирована в гератском, но крайне вероятно ее наличие и в других хорасанских диалектах.

¹⁷ Там же см. примеры и из некоторых других диалектов. Ср. также (Safarzadeh 1384: 71).

¹⁸ На том же листе (147a) данной рукописи «Дивана» Низари слова چندين, چنگ выписаны через ج: چندين, چنگ.

фикса, нередко осложненного указанным показателем, крайне характерно для языка поэзии Низари. Признавая всю сложность воспроизведения слов с этим уменьшительным суффиксом в переводе, мы все-таки сделали такую попытку в нижеследующей *газели* № 48 (слова с суффиксом в оригинале подчеркнуты):

ساقی کی (ساقی کی) ظریف من جامکِ آبگینه را	بیش ترک (بیشترک) بده بیا بندگی کمینه را
ز حمتک است هین که شد دردک سر ز حد برون	کاسگی بده کزو راحتک است سینه را
نازکک و خوشک بیا خوابک شب ز سر بنه	صبح گهک روانه کن فقهوق قنبه را
بادک سخت می وزد کشتی کی (کشتیک) گران بده	خنک بحر سینه کن لنگرک سفینه را
مجلسکی اساس نه چنگیکی طلب کزو	مهراک دل شود فزون رغمک اهل کینه را
چارگی اگر کنی نیکک ورنه صرف کن	ما حضرک به وجه می جانک خود رهینه را
نقدک وقت بایدت زودترک نزاریا	خالیک از قماش کن کنجک دل دفینه را

(Mosaffā 1371: I, 544, № 48)

«Утонченный виночерпушка, хрустальную чарочку
Увеличь/дай побольше, приходи, у покорнейшего служечки
Затрудненьце теперь, когда головная болюшка вышла из берегов.
Дай же чашечку, ведь от нее бывает облегченьце в груди!
Приходи, изященький и веселенький, удали [мысль] о ночном сне из головы,
С утречка пошли бульканье стеклянной бутылки.
Дует сильный ветерок, дай-ка кораблик увесистый,
Выкати-ка вперед морской бочоночек к якорьку суденышка.
Устрой пирушку, ищи музыкантика, играющего на чанге, чтобы от него
Прибавилось бы любушки в сердце на злобушку ненавистникам.
Если придумаешь ты [для этого] средствовчко, то и ладненько, а если нет,
то используй
Обладающий признаком вина залог, что у тебя под рукой, для своей душоночки.
Поскорее подобает тебе, о Низари, [заняться] тем, что у тебя в наличии сегодня,
И освободи от материи уголок сердца для клада».

В поэзии Низари нам встретились и многочисленные другие примеры существительных, прилагательных и наречий с суффиксом -ak, в том числе с наращением показателя единичности: کارک, تریبکی (№ 6), مرگی, جوشکی (Mosaffā 1371: I, 273), شیشگی (№ 248), بروتکی (№ 702), زمانکی (№ 641), روزکی (№ 494), یارکی, شرابیکی (№ 391), شیشگی (№ 248), نازک دلکان (мн.ч. от نازک دلک, № 702), مرغکان (мн.ч. от مرغک, № 761), صراحیکی (№ 747), ایمن ترک (№ 1028), پیامکی, سلامکی (№ 1208), کمترک (№ 1052), شبکی (№ 1028), بهترک (№ 1353). Отдельно отметим: گر یاد کند یک شبکم یار چه باشد (№ 505) «что будет, если вспомнит меня друг однажды вечером?»²¹.

С учетом приведенных выше примеров вполне логично предположить, что этот же суффикс с показателем единичности представлен и в *кушманки* kušmanaki. В таком случае основа слова должна быть kušman. Она крайне сходна с существительным

¹⁹ Здесь и далее в скобках указаны номера *газелей* из «Дивана» Низари.

²⁰ «Более надежный».

²¹ Аналогичные примеры широко представлены в образцах народной поэзии, собранных В.А. Жуковским: фелнеки/фулнеки/фелон, ділекум («мое сердечко»), шевекі, нохушек (Жуковский 1922: 17, 25, 35, 84), в фольклоре на диалектах дари Афганистана: سوبکی, پسکی, یارکم, کفترک, میدانکی (Sho'ur 1974: 98, 321, 322, 342, 394).

«кочевник, пришелец», которое с фонетическими вариациями встречается во многих тюркских языках и отражено в ряде словарей, ср.: татарское (с пометой «уст.») *кучмән* «кочевник; номад» (ТРС 2007: 687), азербайджанское (употребляется азербайджанцами в Иране) *köçmən* (کۆچمن) «кочевник, переселенец» (*Zâre Şâhmarsi* 1388: 756), турецкое *göçmen* «мигрант, переселенец»²² и др.

Очень близкое по звучанию слово имеется и в современном персидском языке: *kušmand*. Оно образовано от того же тюркского корня *kuš-*, но с персидским суффиксом *-mand*. Последний может в разговоре утрачивать конечный согласный, в результате чего слово приобретает вид, совершенно идентичный тюркскому *kušman*, однако это лишь случайное совпадение. В персидском языке за этим словом закрепилось значение изначально кочевого племени, как перешедшего к оседлости, так и сохранившего традиционный образ жизни. Но мы остановимся на тюркской версии.

Язык поэзии Низари изобилует тюркской лексикой. Неясно, дань ли это предпочтениям эпохи, ознаменовавшейся господством тюркских и монгольских правителей, что повлияло на поэзию многих персидских авторов и на персидскую словесность в целом, или за этим у Низари стоят личные мотивы? Так, он часто подчеркивает, что его «друг» — тюрк/тюрчанка. Использование тюркской лексики наиболее заметно в пассажах, в которых присутствует тема этого «друга». Но подразумевается ли под ним конкретная «земная» личность, к тому же всякий раз одна и та же, или это всего лишь метафора — присущее персидским классикам использование образа «тюрка/тюрчанки» для обозначения «возлюбленного/возлюбленной», не только «земных», но и мистических? Скупые биографии Низари не дают ответов на эти вопросы, и мы оставляем их будущим исследователям. Для нас же существенно то, что Низари был хорошо знаком с тюркской лексикой и широко использовал ее в своих *газелях*, отрывки из которых мы приводим ниже (тюркские слова подчеркнуты):

وز غمزه فتنه ها که آفاق می کنی	دل می بری به غارت و شلتاق می کنی
چشمان مست خود را ایغاق می کنی	پنهان ز خلق می کنم این راز و بر سرم
اینجوی خاص بهر چه یل غاق می کنی	اینجوی تست عرصه ملک وجود را
تو در زمانه ظلم به بغتاق می کنی	کسرا اگر به واسطه تاج عدل کرد

(Mosaffâ 1371: II, 606, № 1335)

«Грабительским налетом похищаешь сердце и бранишься²³,
 По всем странам света возбуждаешь смуты из-за [своего] кокетства.
 Я скрываю эту тайну от людей, меня
 Ты выдаешь²⁴ своими опьяненными глазами.
 [Все] владение сферы бытия есть твой царский удел/твоя вотчина²⁵,
 Для чего же ты, редкая кокетка, сеешь смятение²⁶?
 Если кого-то справедливость одарила короной,
 То ты носишь шапочку²⁷, когда творишь насилие»;

²² Мы выражаем признательность М.А. Козинцеву за пояснение к этому турецкому слову.

²³ شلتاق «брань, раздор, клевета, тревога, сумятица» (Будагов 1869: 1, 671).

²⁴ Букв.: доносишь на меня; ایغاق «свидетель, доносчик» (Там же: 198).

²⁵ اینجوی / ینجو 1) «царское поместье, имение, вотчина», 2) «жемчуг», 3) «кокетка» (Там же: 213. Ср. Махмуд ал-Кашгари 2005: 763, 958).

²⁶ بلغاق/بولغاق «смута, возмущение, мятеж» (Будагов 1869: 1, 290), بُلغاق «сумятица, паника, охватывающая людей при наступлении врага» (Махмуд ал-Кашгари 2005: 434).

²⁷ Этого слова (بغتاق) нам в словарях обнаружить не удалось, и мы следуем за пояснением его значения издателем «Дивана» Низари — М. Мосаффа: کلاه.

آن ترک که با ما قدم از صدق و صفا زد یاغی شد و بریئت گه عهد و وفا زد
 اول به وفا گرم تر از برق درآمد آخر به جفا صاعقه در خرمین مازد
 بل غاغ شد از لشکر غم ملک وجودم

(Mosaffā 1371: I, 1052, № 463)

«Тот тюрк, что искренне и с чистым сердцем ступал с нами по тропе,
 Взбунтовался и опрокинул вверх дном юрточное кочевье обета и верности.
 Жарче молнии, полный верности, ворвался он в [мою жизнь] вначале,
 Ударом грома, мучением уничтожил он наше собранное для молотьбы зерно
 в итоге.

В смятение пришло царство моего бытия от полчищ горя»;

دمی در آی و زمانی بیای و در خلوت کله فرونه و بند بغلترق بگشای
 (Mosaffā 1371: II, 383, № 1120)

«Войди в какой-то миг и задержись на некоторое время в уединении,
 Сними шапочку и развяжи повязку *кабы*²⁸»;

مگر هم ایلیجی آه صبح گاهی من بر تو آید و باز آورد زیبلاقت
 به زندگانی خویش از تو راحتی نبود مرا اگر بنمیرد رقیب ایقاقت
 کلاه برنه و ز زلفت به دوش باز انداز نهان مکن که دریغ است زیر قلباقت
 (Mosaffā 1371: I, 939, № 359)

«Разве только гонец от утреннего вздоха моего
 Нагрянет к тебе и привезет [тебя] назад из твоего цветущего кочевья.
 [А иначе] не будет в своей жизни от тебя покоя
 Мне, если не умрет соперник, твой доносчик...
 Сними шапочку и перекинь через кудри на плечо, не прячь [их], жаль, если будут
 [кудри] под твоим колпаком²⁹»;

خیز و به پرغو بده زود ایاغ نبید هین که ز اردوی باغ ایل چی گل رسید
 (Там же: 1183, № 589)

«Встань и поскорее дай начальнику стражи бокал вина,
 В сей миг, когда от войска сада прибыл посланец розы».

У Низари встречается и другая тюркская лексика, например, и однокоренное слово *کوچمن*:

به یورت گاه تو تا کوچ کرده اند از این جا هزار بار به روزی برفته ام به زیارت
 (Там же: 620, № 109)

«К твоему юрточному кочевью, когда откочевали отсюда,
 Я ходил на поклонение по тысяче раз в день».

²⁸ Этого слова (بغلترق) нам в словарях обнаружить не удалось, и мы следуем за пояснением его значения издателем «Дивана» Низари — М. Мосаффа: *قبأ*.

²⁹ Ср. *قلباغ*, *قلباق*. «(остроконечный) колпак», «всякая шапка из войлока, надеваемая поверх тюбетейки» (Будагов 1969: 2, 21).

При таком обилии тюркской лексики в творчестве Низари использование этим поэтом (کوچمن+ کی) *кочмен*, однокоренные слова с которым по сей день употребительны в языках персидском и дари, не только не кажется удивительным, но и вполне органично вписывается в общую тенденцию³⁰. Все же сочетание (с прочтением «ж» как «ч» и постановкой долгот над гласными в транскрипции): *کۆچمنکی مشو* *kūčmanak-ī mašav* может быть осмыслено как «не переселяйся, не откочевывай (букв.: не становись кочевником)».

Теперь перейдем к последнему слову в полустииши, наше прочтение которого несколько отлично от предложенного Ч.А. Байбурди. Мы усматриваем в нем: *بیور*. Так же выписано данное слово на одном из интернет-сайтов, где стих цитируется по другому источнику³¹. Поскольку, как мы установили выше, предшествующий слову глагол — это глагол движения, то разумно предположить, что буквой *ب* в данном случае передан предлог *به*, указывающий на объект, к которому направлено движение, выписанный слитно с объектом. А сам пункт назначения передан словом *یور*. На почве персидского языка оно не осмысливается. Но при этом оно включено в словарь Деххода как лексема, употребительная в мазандаранском языке/наречии в значении «за той стороной/на той стороне реки, по ту сторону реки»³². В данном словаре приведен пример: *سمت شرقی پل واقع در شهرستان آمل پل به یور* «к востоку от моста, расположенного в *шахрестане* Амоль». Слово это в том же значении зафиксировано и в словаре мазандаранского языка XIX в. «Несаб-е Табари»: *yur* «near side (e.g. of river)» (Vorjjan 2010: 54). Возникает вопрос: какое отношение мазандаранская лексема имеет к творчеству Низари? Ответом на него могут служить следующие доводы. Во-первых, слово это встречается в фразе, в которой, согласно нашему прочтению, адресатом автора выступает «луна Мазандарана», к которой и обращены эти слова. Во-вторых, Низари широко использует лексику тюркских языков, значительно более далеких от персидского, чем близкородственный ему мазандаранский. Третий аргумент лежит в тематической плоскости, и мы рассмотрим его ниже. Что связывает Низари с Мазандараном, мы не знаем. Нет четкого ответа и на то, бывал ли он в нем. Маршрут его «большого» странствия на север устанавливается по его «Сафар-наме»: Исфахан, Табриз, Хой, Армения, Грузия, Ширван (включая города Шемаху и Баку) и по дороге домой — Абхар. Указания на то, что он заезжал в Мазандаран, хотя и проезжал близко от него, у нас нет. Но ведь Низари упоминает в своей поэзии множество городов, областей и стран, данными о посещении им которых мы также не располагаем: Самарканд, Бухару, Фергану, Туркестан (см., например, *Mosaffā* 1371: II, 363, № 1101), Хузистан, Китай, Хотан и другие.

Если наша гипотеза верна, то вся разбираемая фраза *ای ما مژند کوچمنکی مشو بیور* должна означать: «О луна Мазандарана, не переселяйся/перекочевывай на ту сторону реки!» Среди тем, к которым постоянно возвращается в своем «Диване» Низари, следует отнести и «переход через реку», включая призывы «не переходить через реку», как и близкий по смыслу «не пускаться в странствие». О содержании этих образов,

³⁰ Широко использовал в своей поэзии тюркскую лексику и Дж. Руми. Знаменательны его стихи, первая часть каждой строки которых написана по-персидски, а конец — по-тюркски, с рифмой на суффиксе *مه ن* *meh-n*, как в слове *مه ن گزه* *gəzərmən/gezermen*, ср.: *دنبال تو گزه رمه ن* (Bahâî 2005: 12) «я подобно собакам твоего квартала скитаюсь вслед за тобой».

³¹ См. ссылку на этот сайт выше.

³² Ср.: *سمت اب بعد از رودخانه پاتهر (زبان محلی مازندرانی)*: *ایورون* *آآن سوی یور* (لهجه و گویش مازنی) — *یور*.
<https://www.vajehyab.com/?q=%DB%8C%D9%88%D8%B1>

с учетом их многозначности, мы можем лишь догадываться. Относятся ли эти воззвания к конкретному лицу, включая самого поэта, служат ли они предостережением от превратностей «земных путешествий», или их следует толковать мистически? В ряде случаев они явно подразумевают переход на другой план, странствие в сферу трансцендентного («река» — это водораздел), от опасности которого без опытного наставника, выраженного через образ «моста», предупреждает Низари:

حکم تو بر جانِ نزاری رواست بنده مطواع نجوید عدول
از سر جیحون نتوان باز جَست عبره توان کرد ولیکن به پول (= پل)
(Mosaffā 1371: I, 1406, № 785)

«Ты вправе повелевать душой Низари,
Покорный раб не стремится уклониться [от повеления господина].
Нельзя перепрыгнуть через *Джейхун* (т.е. Сыр-Дарью),
Перейти можно, но по мосту»;

پس رو هادی شو لا حول کن تا نروی بیش ز دنبال غول
دعوی تصدیق و قبول مجاز زان طرف رود چه حاجت به پول (= پل)
(Там же: 1407, № 786)

«Следуй за проводником, [указующим путь], и претворяй/говори: „нет силы
[и мощи, кроме как в Боге]“,
Чтобы больше не шел ты за демоном —
Спором о признании истинными и принятии аллегорий.
С той стороны реки ужели есть надобность в мосте?»;

گو درین دریا مرو بد دل که زان پس
نیست بیرون آمدن را اختیاری
(Mosaffā 1371: II, 471, № 1206)

«*Не ходи в это море/эту реку*, о малодушный, ибо после того
Невозможно выйти наружу по собственной воле»;

تا در طلبِ جانان دل بر نکنی از جان مشغول ندارندت آلا به جگر خواری
زنهار مرو با خود کان جا نرسی وز خود صعب است سفر کردن تا سهل نپنداری
(Там же: 480, № 1216)

«Пока в поисках Возлюбленного не оторвешь сердца от [низшей] души,
Не будут тебя занимать ничем, кроме самоистязания.
Смотри, не иди самостоятельно, не дойдешь дотуда,
Трудно путешествие от самого себя, чтобы ты не полагал [его] легким»:

با خودی خویش نزاری مرو زین پس اگر عازم آن منزلی
(Там же: 543, № 1277)

«*Не ходи*, Низари, сам по себе
Больше, если направляешься ты к той стоянке»;

ما آشناییم از بدو فطرت با ما چرا تو بی گانه واری
 دریای عشقت بر اوج زد موج ما در میانه تو بر کناری
 (Там же: 477, № 1212)

«Мы знакомы от начала сотворения естества,
 Почему же ты ведешь себя со мной как чужак?
Море любви к тебе вздымается волнами до предела,
 Мы посередине его, а ты — на берегу»;

مرو در سایه زلفم طلب کن مگر ایمن تَرَک یابی پناهی
 (Там же: 625, № 1353)

«*He uходи*, под сенью локонов моих ищи [пристанище],
 Едва ли сыщешь убежище надежнее».

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют, что призывы «не переходить через реку», «на другую сторону реки», «на берег», как и вообще «не пускаться в странствие», «не покидать своего места», «не отправляться в путь в одиночку» и близкие к ним темы распространены в творчестве Низари, и предложенная нами интерпретация полустушия: «О луна Мазандарана, не переселяйся/перекочевывай на ту сторону реки!» содержательно полностью укладывается в эти тематические рамки.

Второй из двух «загадочных» *бейтов* таков:

چه باژم ژ ایون که در امر خوی مخان دی خمکنی ژ زل و انبشت
 (Байбурди 2018: 239)³³

В нем четко различимы глаголы, предлоги и союз *که*. Глагольные формы: *баژм* и *انبشت*... *مخان*... В первой из них Ч.А. Байбурди, как сказал он мне в устной беседе, усматривал 1-е лицо единственного числа настоящего времени глагола «говорить», характерного для ряда северо-западных иранских диалектов. Наличие согласного [ž] лишь высвечивает использование северо-западных форм (наряду с юго-западными) в этом *бейте*. Ср. корень того же глагола *wāž-* в парфянском языке (Durkin-Meisterernst 2004: 333; Ghilain 1966: 68). В следующей строке из поэзии Баба Тахира на одном из северо-западных иранских диалектов представлен глагол, восходящий к этому корню:

makarū hāšā bābū ča farzan , mawāčen wa yak harf-e- nā pasan
 (Huseini Ābbāriki 1392: 46).

«Отец отвращается от сына, они говорят [друг другу] непростойности».

В «Диване» Баба Тахира основа данного глагола представлена не только в форме *wāč-* (см. выше), но и *wāž-*:

نمیدانم که رازم وا که واژم ... دگر راز و نیازم وا که واژم
 (Divān... 2535: 17; Huseini Ābbāriki 1392: 47)

«Не знаю, кому мне поведать свою тайну?..
 Так кому же поведать мне свою сокровенную тайну?»

Тот же глагол используется в диалектах Центрального Ирана, в которых он может принимать префикс, например, в повелительном наклонении, ср. диалект вонисун: bāj (b- + vāj-/vāž-) «скажи» (ОИЯ 1997: 291).

Возвращаясь к بآژم в *бейте* Низари, можно с высокой долей вероятности предположить, что этот глагол соответствует واژم у Баба Тахира и (с учетом фонетического разнообразия вариантов) аналогичным формам многих северо-западных иранских диалектов. Начальный [b] в слове может объясняться как распространенным в иранских языках переходом v/w>b (ср. ниже), так и стяжением префикса b- с основой подобно примеру в диалекте вонисун. Таким образом, چه بآژم ڑ в рассматриваемом полустииши Низари должно соответствовать литературному: چه بگویم/گویم с предлогом از/ز «что мне сказать о...». Ознакомление с «Диваном» Низари выявляет примеры наличия этого и близких по смыслу словосочетаний в начале *бейтов* или полустииши. На той же странице рукописи «Дивана» Низари из РНБ, что и разбираемый бейт (л. 296б), встречаем: «(چه گویم چه محنت بسر گذشت) چه گویم چه محنت بسر گذشت» «что мне сказать, какие тяготы выпали на [мою] долю (букв.: голову)!», ср.: چه نویسم که چه آمد بر چه نویسم که چه آمد بر سرم تا تو برفتی (Mosaffā 1371: II, 81, № 836) «что написать мне [о том], что выпало на мою долю, когда ты ушла!», چه گویم از میان او که وصفش برون از اندیشه باریک بین است (Mosaffā 1371: I, 727, № 189) «что сказать мне о ее талии, описание которой за пределами мысли пронизательного!». Таким образом, можно заключить, что и в содержательном плане осмысление چه بآژم ڑ как аналога از چه گویم, только сказанного на другом иранском диалекте, подкрепляется примерами из того же «Дивана» Низари.

Глагольная форма второго рассматриваемого нами полустииши соответствует распространенной в современном бирджандском диалекте конструкции с глаголом *xâstan* «хотеть» в личной форме (с возможным наращением префиксов) и последующим глаголом в форме усеченного инфинитива: توخوم رافت, توخوم رافت, توخوم رافت и др. (Rezaee 1998: 284–285). Подобные конструкции представлены и в памятниках раннего средневековья, например, в «Табакат ас-суфийа» — трактате XI в., содержащем изречения ‘Абд Аллаха Ансари на гератском диалекте соответствующей эпохи (гератский, как и бирджандский, относится к хорасанским диалектам, они очень близки друг к другу): چون می جدا خواست (Ivanow 1923: 359) «захотел отправиться в *хаджж*», (چون می خواست جدا شد = شد) «когда захотел отделиться...». Однако наиболее значим для нас тот факт, что использование усеченного инфинитива с خواستن характерно и для Низари: به چشم خود چه خواهی دید خود را (Mosaffā 1371: I, 1274, № 673) «что ты хочешь увидеть себя своими собственными глазами?», اگر به مصلحت از دست من خواهی, (چون می خواست جدا شد = شد) «если ты захочешь покинуть меня из целесообразности», گر نخواهی بر ما بود و نخواهی رفتن (Там же: II, 308, № 1051) «если не хочешь быть перед нами и захочешь уйти». Ср. строки из поэмы Низари «Азхар и Мазхар»:

چو خواهی رفت من هم آمدم باش مرو بی من همین دم آمدم باش
(Nezāri 1394: 16)

«Если хочешь идти, подожди, я тоже подошел,
Не ходи без меня, вот я уже подошел, подожди!»

Таким образом, می خواهند ... نوشت, наиболее вероятно, соответствует классического (и современного) персидского языка. Стяжение > می خواهند /میخان/ميخان закономерно для персидских диалектов, ср. стяженную форму в бирджандских текстах В.А. Иванова: khonke < khwāhand kard (Ivanow 1928: 270). Соответствие совре-

менному литературному [v] согласного [b] в глаголе *neveštan* «писать» и других словах также отмечено в диалектах и в классических текстах: *nibēs-*, *nibišt-* (Lazard 1963: 139). Ср. примеры из бирджандского диалекта: *pošbâz* — лит. *pišvâz* «встреча», *bafâ* — лит. *vařâ* «верность» и др. (Rezaee 1998: 114).

Возвращаясь к первому полустишию, можно с определенной долей уверенности предположить, что слово, следующее за *چه بازم ژ ایون*, представляет собой местоимение третьего лица множественного числа. Мы не знаем, на каком иранском диалекте конкретно написана эта строка, и лишь можем констатировать, что диалект этот несет в себе явные черты северо-западных и потому не может рассматриваться как прямой «предшественник» современного бирджандского говора, входящего в группу хорасанских персидских диалектов, принадлежащих к юго-западному типу. С другой стороны, глагольная форма второго полустишия полностью совпадает с соответствующей формой бирджандского диалекта в наши дни. Не имея ясности о северо-западном диалекте, элементы которого представлены в полустишии, а также с учетом того, что некоторые формы являются общими для западных диалектов обоих типов, мы вынуждены сопоставлять эти элементы с разными изученными на данный момент диалектными единицами на территории Ирана. В слове *ایون* *iyun* можно усмотреть указательное/личное местоимение *i(n)* с наращением показателя множественности *in<ân*. В таком случае, все слово должно соответствовать *inân* или *ânân* современного литературного персидского языка с выпадением поствокального [n] в *in*, столь характерным для хорасанских диалектов и других. Так, Иванов отмечал в предисловии к «Дивану» исмаилитского поэта из Хорасана — Хаки Хурасани «чисто хорасанское неприятие носовых и частое выпадение [n]», отраженное даже в «Диване» поэта, именно в поствокальной и интервокальной позициях: *dī-st* вместо *dīn ast*, *zamī-st* вместо *zamīn ast* (Diwan... 1933: 5–6). Список таких слов из указанного «Дивана» можно было бы существенно расширить, мы же ограничимся лишь одним неоднократно встречающимся в тексте Хаки Хурасани примером: *مانوین* *ma'zūyān* вместо *مانونان* *ma'zūnān* «имеющие разрешение на выполнение миссии (исмаилитский термин)» (Там же: 70, 76). Этот пример демонстрирует, что при присоединении к слову с отпавшим конечным [n] морфемы, начинающейся с гласного, для устранения зияния между двумя гласными возникает вставной [y], как и в слове *iyun* из разбираемого нами *бейта* Низари. То же наблюдается в аналогичных случаях и в современных диалектах Хорасана, ср. *iyou* — стяжение из *in-o in (<ân)* «букв.: и то и сё» в бирджандском (Rezaee 1998: 215), *i-yam* (соответствует литературному *in + (h)am*) в мешхедском (Иоаннесян 2019: 8).

Форма местоимения: *اینان* *īnān*, которая могла быть исходной для *ایون* *iyun*, представлена в «Табакат ас-суфийа» Ансари (Ivanow 1923: 357). В современном бирджандском диалекте ей соответствует: *inō[n]* (Rezaee 1998: 210). Среди местоимений 3-го лица мн.ч. в разных иранских диалектах встречаются близкие к *iyun*, ср. *iya*, *inān* в говоре зороастрийцев Кермана (Ivanow 1935: 61), *iyu* в сомгуни (Mann 1909: 20). Примечательно, что в диалекте Минаба в южном Фарсе отмечена форма, полностью совпадающая с интересующей нас: *iyun* (Ivanow 1935: 63).

Если до сих мы выдвигали предположения с относительно высокой долей вероятности, то при рассмотрении четырех последующих слов этого полустишия: *که در امر خوی*, не считая двух первых из них, которые явно представляет собой союз *که* и предлог *dar*, мы вступаем в область чистых догадок. Здесь мы рассмотрим две гипотезы.

Второе слово: *امر* может соответствовать литературному *عمر* «жизнь». Именно так оно и выписано в словаре бирджандского диалекта: *عمر*: *om[r]* [ر] أم (Rezaee 1998: 354).

Переходя к следующему слову: *خوی*, можно предположить, что оно соответствует возвратному местоимению *خود* литературного персидского. Правда, ни в одном изученном до сих пор диалекте Хорасана оно в таком виде не зафиксировано. Хорасанская диалектная форма: *хо(d)*. Конечный согласный в ней отпадает, но восстанавливается при наличии изафета или местоименной энклитики (Rezaee 1998: 208–209; Иоаннесян 1999: 60). Но мы уже видели, что Низари в рассматриваемом *бейте* не следует исключительно нормам диалектов юго-западного типа и внедряет в свой язык элементы северо-западных иранских диалектов, что делает сопоставление с ними корректным. В формах *хū(y)* и *хо(y)* возвратное местоимение представлено в нескольких диалектах Центрального Ирана (ОИЯ 1997: 274). Таким образом, если наше предположение верно, сочетание *در امر خوی* может соответствовать литературному *در عمر خود* «в своей жизни».

Теперь рассмотрим другую гипотезу. В некоторых северо-западных диалектах зафиксировано слово *خوی* или *خوی*, соответствующее литературному персидскому *خدا* «господь (изначально: господин, хозяин)». Первое отмечено в харзани (в иранском Азербайджане), в транскрипции оно: *хууё*, второе: *хавоу*. Последнее употребляется в татском диалекте³⁴ того же региона (Kârang 1333: 52). В схожих формах соответствующее существительное представлено в ряде курдских диалектов: *хwaуī*, *хwaдī* (Цаболов 2001: 493), ср. также *Хуwa!* «О Боже!» (Wahby, Edmonds 1966: 161)³⁵. С учетом данного обстоятельства можно допустить, что и Низари использовал слово «Господь» в фонетическом варианте одного из северо-западных диалектов, а предшествующее ему следует читать как *امر* *amr* «дело». В этом случае все сочетание *در امر خوی*, соответствующее персидскому *در امر خدا*, приобретает значение «в деле Божь-ем/на стезе Господа», что вполне сообразуется с тематикой поэзии Низари.

Переходим к сочетанию слов второго полуступища: *دی خمنکی*. Первый его элемент, наиболее вероятно, представляет собой стяжение предлога *da(r)* с указательным местоимением *i(n)*. Подобное стяжение отмечено в ряде диалектов языков персидского и дари, в частности, в хорасанских. Так, в форме *دی* (< *در این*) с пометой «гонабадский говор» оно включено в словарь Деххода³⁶. Ср. аналогичное стяжение: *z'i<ze(az)* in в народной поэзии на сабзеварском говоре (Ivanow 1927: 35, № 4), *ده ای* в народной поэзии дари (Sho'ur 1974: 59, 178, 323).

Слово *خمنکی* может соответствовать как *خمناکي*, так и *خامناکي* литературного персидского, т.е. в обоих случаях абстрактным существительным с *йа-йи масдари*, образованным от прилагательного с суффиксом *-nâk*: *خمناک* или *خامناک*. Первое как синоним *پرپیچ* *بیچناک* «скрюченный, изогнутый» содержится в словаре Деххода³⁷. Второе по аналогии с первым могло бы быть прилагательным с тем же суффиксом от *خام* *xâm* «неспелый, незрелый». Хотя *خامناک* в литературном персидском нам не встречалось, учитывая продуктивность суффикса *-nâk* и его способность присоединения не только к существительным, но и к прилагательным (ср. *хамnâk*), форма *خامناک* представляется вполне вероятной. Ср. примеры прилагательных с этим суффиксом в бирджандском диалекте: *tarsnâk*, *bunâk*, *dardnâk*, *suznâk*, *qamnâk*, *gelnâk* (Rezaee 1998: 160), в гератском: *ğamnâk*, *bunâk*, *pamnâk* (Иоаннесян 1999: 52). Образования данного типа

³⁴ Татские говоры иранского Азербайджана, в отличие от татских говоров Кавказа, относятся к северо-западным диалектам.

³⁵ Этот источник нам любезно указала З.А. Юсупова.

³⁶ <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%AF%DB%8C&t=exact&s=15>.

³⁷ <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%AE%D9%85%D9%86%D8%A7%DA%A9>

представлены и в «Диване» Низари: *عيب ناک*, *شوقناک*, (с суффиксом -i) *هوس ناکی* и др. (Mosaffā 1371: II, 338, 814, 639). При рассмотрении нами первого из «загадочных» *бейтов* «Дивана» Низари уже отмечался переход исторически долгого «а» в безударной позиции в варианты исторически краткого «а» как регулярная тенденция в хорасанских диалектах (см. выше). В силу этой закономерности словам *хамнаки* и *хâmpâki* литературного персидского должно соответствовать: *хамнаки* в хорасанских говорах. С учетом же перехода *â>o*, и в соседстве с носовыми второе слово может произноситься как *хомнаки*. Это предположение подтверждается и данными по фонетике т.н. «татского диалекта» северного Хорасана (Safarzadeh 1384: 70). В поэзии Низари слово *خام* сопряжено с особым смыслом: «незрелый» в противопоставлении *پخته* «зрелый»: *آخر ای پخته تا به کی خامی* (Mosaffā 1371: II, 550, № 1284) «в конце концов, о зрелый, доколе будешь ты незрелым?», *خام را طاقت پروانه پر سوخته نیست* (Там же: 590, № 1318) «у незрелого/необожженного нет выносливости бабочки с опаленными крыльями».

Закончим разбор *бейта* рассмотрением следующей пары слов: *ژ زل وا*. Первое: *ژ* уже встречалось ранее в предшествующем полустушии и было истолковано нами как диалектный вариант предлога *ز* (= *از*). То же прочтение мы предлагаем и для данного случая. Сочетание *وا زل* нам представляется одним словом (композицией): *zilvā* — диалектным вариантом существительного *dilbāz* «страстно влюбленный». О лингвистическом аспекте вопроса будет сказано ниже. Отметим, что слово *دل‌باز*, как и образованное от него имя действия: *دل‌بازی* «страстная влюбленность», широко представлено в персидской мистической поэзии и в словарях. Деххода объясняет их посредством их синонимов *دل‌باخته* и *دل‌باختگی* соответственно, первый из которых нам неоднократно встретился в народной поэзии дари. Слова *دل‌باز* у Низари нам обнаружить не удалось, в отличие от производного от него *دل‌بازی*. Из множества собранных нами примеров приведем лишь два: *ترک دل‌بازی و دل گیر نزاری پس از این* (Mosaffā 1371: I, 1396, № 774) «оставь после этого, Низари, страстную влюбленность и сердце!», *تا چند ز دل‌بازی من بعد نگه دارش* (ср. сочетание: *ز دل‌بازی* и диалектное: *وا زل*) (Там же: 1289, № 688) «доколе после этого будешь ты удерживать его из-за страстной влюбленности?»³⁸.

Диалектная форма *zilvā*, по крайней мере в своей первой части, — северо-западная. Соответствие *vâ/wâ(z)* литературному персидскому *bâz* характерно для многочисленных персидских и иранских диалектов, включая тегеранский, а потому подробно рассматривать его не будем. Остановимся на редкой форме *zil* «сердце», которая, будучи, очевидно, северо-западной, почти не представлена и в современных северо-западных диалектах, где вместо нее употребляется *del/dil* (с учетом фонетических вариантов). Хотя в прошлом она, возможно, имела больший ареал распространения, сегодня можно с уверенностью говорить о ее использовании в курдских диалектах гурани: *zîl*, *ziñ* и *заза*: *zer*, *zar* (Цаболов 2001: 307–308, ОИЯ 1997: 165).

Таким образом, согласно нашей гипотезе, весь *бейт* в крайне условной транскрипции и переводе приобретает следующий вид:

Či bāzam/bāžom/bāžem ži/že iyun ki dar umr(-i) xoy/amr(-i) Xwayī (Xuwa?)

Mexan/mexān di xamnaki/xomnaki ži/že zilvā nibišt!

«Что сказать мне о тех, кто в своей жизни/на стезе Господа

Хотят написать/напишут в этой искаженности/[своей] незрелости о страстно влюбленном!»

Итак, мы завершили разбор двух *бейтов* из рукописи «Дивана» Низари, хранящейся в РНБ, предложив наше прочтение, основанное исключительно на гипотезах. Очевидно, что *бейты*, как и посчитал Ч.А. Байбурди, написаны на диалекте (диалектах?), отличном от классического персидского языка. Второй *бейт* пронизан элементами северо-западных иранских диалектов, хотя содержит и черты, присущие персидским говорам Хорасана. Мы не знаем, существовал ли когда-либо такой диалект, да еще в Кухистане, объединявший в себе юго-западные и северо-западные черты³⁹, или поэт намеренно смешивал их, наподобие великого мистика Баба Кухи? Возможно также, что в Бирджанде и Кайене, как в Йезде и Кермане сегодня, сосуществовали в прошлом две общины — мусульманская и зороастрийская. Первая говорила на диалекте юго-западного типа, а вторая — на одном из говоров Центрального Ирана, схожем с *габри* и соответственно имевшем признаки северо-западных диалектов. Если ситуация, рассмотрение которой выходит за рамки настоящей статьи, была такова, то поэт, как исконный житель этих мест, вполне мог владеть обоими и смешивать их в своем творчестве.

Литература

- Байбурди 2018 — *Байбурди Ч.* Жизнь и творчество Низари — персидского поэта XIII–XIV вв. Репр. изд. 1966 г. СПб.: Реноме, 2018.
- Будагов 1869 — *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб.: Типография императорской академии наук, 1869. Т. 1–2.
- Жуковский 1922 — *Жуковский В.А.* Материалы для изучения персидских наречий. Часть 2. Вып. 1. Петроград, 1922.
- Иоаннесян 1998 — *Иоаннесян Ю.А.* Изучение и основные специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского // Страны и народы Востока. Вып. XXX. Памяти А.Л. Грюнберга. Под общей ред. акад. М.Н. Боголюбова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 62–82.
- Иоаннесян 1999 — *Иоаннесян Ю.А.* Гератский диалект языка дари современного Афганистана. М.: Вост. лит., 1999.
- Иоаннесян 2019 — *Иоаннесян Ю.А.* Колебания гласных [А] и [Е] в исходе слов в хорасанских диалектах // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16. № 4 (вып. 39). С. 5–12. DOI: 10.7868/S1811806219040010.
- Керимова и др. 1980 — *Керимова А.А., Мамедзаде А.К., Расторгуева В.С.* Гилянско-русский словарь. М.: Наука, 1980.
- Костыгова 1989 — *Костыгова Г.И.* Персидские и таджикские рукописи Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ч. II. Каталог. Л., 1989.
- Махмуд ал-Кашгари 2005 — *Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-пресс, 2005.
- ОИЯ 1982 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.
- ОИЯ 1997 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М.: Вост. лит., 1997.
- ТРС 2007 — Татарско-русский словарь в двух томах. Т. 1. Казань: Магариф, 2007.
- Цаболов 2001 — *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. В двух томах. Т. I (А-М). М.: Вост. лит., 2001.

³⁹ Отдельные элементы северо-западных диалектов отмечены и в языке «Табакат ас-суфийа» Ансари на раннесредневековом гератском диалекте: دوزخ «ад» вместо دوزخ، نازان «невежда» вместо نادان (Ivanow 1923: 370, 374).

- Шукуров и др. 1969 — Шукуров М.Ш., Капранов В.А., Хошим Р., Маъсуми Н.А. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри 10 то ибтидои асри 20) [Словарь таджикского языка (с X по XX в.)]. Ч. 1. М., 1969.
- Āzar 1391 — Āzar R. Tasvirhâ-ye šâ'erâne dar ghazaliât-e Hakim Nezâri-ye Qohestâni [Поэтические образы в газелях Хакима Низари Кухистани] // Bahârestân-e soxan (Faslnâme-ye elmi-padzuheši-ye adabiiât-e fârsi). 1391. № 20. P. 75–96.
- Bahâri 2005 — Bahâri M. Sorudhâ-ye torki-ye Moulânâ va naqd-i bar ketâb-e “Torkisarâiân-e maktab-e Šams-o Moulavi” [Турецкие стихи Руми и критический анализ книги «Турецкие поэты школы Шамса и Руми»], 2005.
- Barretto 1806 — Barretto J. Shums-ool-loghat or A Dictionary of The Persian and Arabic Languages. Vol. 2. Calcutta, 1806.
- Borjian 2010 — Borjian H. Nesâb-e Tabari Revisited. A Mâzandarâni Glossary from the 19th Century. В кн. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 2010. Vol. 63 (no. 1). P. 39–62.
- Diwan 1933 — Diwan of Khaki Khorasani. Persian text, edited with an Introduction by W. Ivanow. No. 1. Bombay: Islamic Research Association, 1933.
- Divân 2535 — Divân-e Bâbâ Tâher Oriân. Matn-e dorost-o kâmel-e divan-e Bâbâ Tâher Oriân be zamime-ye dobeitihâ-ye maškuk. Tashih-e marhum V. Dastgerdi [Диван Баба Тахера Орийана. Полный выверенный текст Дивана Баба Тахера Орийана с приложением спорных двустуший. Под редакцией покойного В. Дасгерди]. Tehrân, 2535.
- Durkin-Meisterernst 2004 — Durkin-Meisterernst D. Dictionary of Manichaean Texts. Vol. 3. Texts from Central Asia and China edited by N. Sims-Williams. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Turnhout: Brepols Publishers, 2004.
- Ghilain 1966 — Ghilain A. Essai sur la langue parthe. Son système verbal d'après les textes manichéens du Turkestan Oriental, Bibliothèque du Muséon. Vol. 8. Louvain: Institut Orientaliste, Université de Louvain, 1939 (réimpression 1966).
- Huseini Abbâriki 1392 — Huseini Abbâriki S. Ā. Barresi-ye vizhegihâ-ye zabâni va dasturi-ye dobeitihâ-ye Bâbâ Tâher Oriân-e Hamadâni [Исследование лингвистических и грамматических особенностей двустуший Баба Тахера Орийана Хамадани] // Peuyâm-e Bahârestan [Пейам-е Бахарестан]. 1392. No. 20. P. 37–61.
- Ivanow 1928 — Ivanow W. Persian as Spoken in Birjand // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928. P. 235–351.
- Ivanow 1927 — Ivanow W. Some Poems in the Sabzawari Dialect // Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1927 (pt. 1).
- Ivanow 1923 — Ivanow W. Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat // Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. 55. Cambridge, 1923. P. 1–34, 337–382.
- Ivanow 1935 — Ivanow W. The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia // Rivista degli studi orientali. Vol. 16. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1935. P. 31–97.
- Kârang 1333 — Kârang A. Tâti va Harzani: do lahje az zabân-e bâstân-e Āzarbâijân [Тат и Харзани: два диалекта древнего языка Азербайджана]. Tabriz: Šafaq, 1333.
- Lazard 1963 — Lazard, Gilbert. La Langue des plus anciens monuments de la prose persane. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963.
- Mann 1909 — Mann, Oskar. Die Tâjik-Mundarten der Provinz Fârs. Kurdisch-Persische Forschungen. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1909.
- Mohaqqeq, Āzar 1389 — Mohaqqeq M., Āzar R. Barresi-ye barx-i az vizhegihâ-ye sabki yâ tasvirhâ-ye šâ'erâne dar ghazaliât-e Hakim Nezâri-ye Qohestâni [Исследование некоторых особенностей стилистических и поэтических образов в газелях Хакима Низари Кохистани] // Faslnâme-ye taxassosi-ye sabkšenâsi-ye nazm-o nasr-e fârsi [Специализированный ежеквартальный журнал по стилистике персидской поэзии и прозы]. Sâl-e sevvom, no. 3, pâuz-e [13]89. P. 37–52.
- Mosaffâ 1371 — Mosaffâ M. Divân-e Hakim Nezâri-ye Qohestâni (matn-e enteçâdi). Bar asâs-e dah nosxe [Диван Хакима Низари Кохистани (Критический текст). На основе десяти рукописей]. На J. 1–2. Tehrân: Mahârat, 1371.
- Nezâri 1394 — Hakim Nezâri-ye Qohestâni. Masnavi-ye Azhar-o Mazhar. Be kuš-e doctor Mahmud Rafi'i [Маснави «Азхар и Мазхар». Подготовил доктор Махмуд Рафи'и]. Tehrân: Hirmand, 1394.

- Rezaee 1998 — *Rezaee J.* Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i [Исследование бирджандинского диалекта: фонология, грамматика. При участии М. Рафи'и]. [Tehran]: Hirmand, 1998.
- Safarzadeh 1384 — *Safarzadeh H.* Pazhuheš-i dar guieš-e tâti-ye šomâl-e Horâsân va kârbord-e ân dar tashih-o šarh-e motun-e adab-e fârsi [Исследование говора тати Северного Хорасана и его использование при редактировании и комментировании персидских литературных текстов] // *Majalle-ye dâneškade-ye adabiiât-o olum-e ensâni-ye Mašhad* [Журнал Мешхедского факультета литературы и гуманитарных наук]. No. 159. Mašhad, 1384. P. 67–88.
- Sho'ur 1974 — *Sho'ur A.* Tarânahâ-ye Kohsâr. Ba Ehtemâm-e F. Faqiri [Песни гор]. Kabul: Vezârat-e Ettlâ'ât-o Kulture, Matba'a-ye Dawlati [Министерство информации и культуры. Государственная типография], 1974.
- Wahby, Edmonds 1966 — *Wahby T., Edmonds C.J.* A Kurdish-English Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1966.
- Xâniâni, Šarefi 1393 — *Xâniâni A., Šarefi R.* Simâ-ye ma'suq dar ghazaliât-e Hakim Nezâri [Образ «Возлюбленного» в газелях Хакима Низари] // *Majmu'e-ye maqâlât-e hamâyeš-e melli-ye naqd-o tahlil-e zendegi, še'r va andiše-ye Hakim Nezâri-ye Qohestâni* [Материалы национальной конференции по критическому анализу жизни, поэзии и мысли Хакима Низари Кухестани]. [Birjand]: Dânešgâh-e Birjand, 1393. P. 1678–1696.
- Zâre Šâhmarsi 1388 — *Zâre Šâhmarsi P.* Farhang-e Šâhmarsi (fârsi-torki) [Šâhmarsi Dictionary (Persian-Turkic)]. Tabriz: Axtar, 1388.

References

- Âzar, Rahim Salâmat. “Tasvirhâ-ye šâ'erâne dar ghazaliât-e Hakim Nezâri-ye Qohestâni” [Poetic Imagery in Hakim Nizari Quhistani's Ghazals]. *Bahârestân-e soxan* (Faslnâme-ye elmi-padzuheš-ye adabiiât-e fârsi), 1391, no. 20, pp. 75–96 (in Persian).
- Bahâri, Mehrân. *Sorudehâ-ye torki-ye Moulânâ va naqd-i bar ketâb-e “Torkisarâiân-e maktab-e Šams-o Moulavi”* [Rumi's Turkish-language poetry and a critique of the book “Turkish Poets of Shams and Rumi Schools”], 2005 (in Persian).
- Baiburdi Ch. *Žhizn i tvorcestvo Nizari — persidskogo poeta 13–14 vekov* [Life and Activity of Nizari, a 13th–14th Century Persian Poet]. Reprint. St. Petersburg: Renome, 2018 (in Russian).
- Barretto, Joseph. *Shums-ool-loghat or A Dictionary of The Persian And Arabic Languages*. Vol. 2. Calcutta, 1806 (in Persian).
- Borjian, Habib. “Nesâb-e Tabari Revisited. A Mâzandarâni Glossary from the 19th Century”. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2010, vol. 63, no. 1, pp. 39–62 (in English).
- Budagov L. *Sravnitelnyi slovar turetsko-tatarskikh narechii* [A Comparative Dictionary of Turkish-Tatar Varieties]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869, vol. 1 (in Russian).
- Divân-e Bâbâ Tâher Oriân*. Matn-e dorost-o kâmel-e divan-e Bâbâ Tâher Oriân be zamime-ye dobeitihâ-ye maškuk [A Correct and Full Text of the Divan of Baba Taher Orian, Supplemented with Doubtful Dobeitis]. Tashih-e marhum V. Dastgerdi. Tehrân, 2535 (in Persian).
- Diwan of Khaki Khorasani*. Persian text, edited with an Introduction by W. Ivanow. Bombay: Islamic Research Association, no. 1, 1933 (in Persian).
- Durkin-Meisterernst, Desmond. *Dictionary of Manichaean Texts*. Vol. 3. Texts from Central Asia and China edited by N. Sims-Williams. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Turnhout: Brepols Publishers, 2004 (in English).
- Ghilain, Antoine. *Essai sur la langue parthe. Son système verbal d'après les textes manichéens du Turkestan Oriental*, Bibliothèque du Muséon. Vol. 8. Louvain: Institut Orientaliste, Université de Louvain, 1939 (réimpression 1966) (in French).
- Hakim Nezâri-ye Qohestâni. *Masnavi-ye Azhar-o Mazhar* [Masnavi's “Azhar and Mazhar”]. Be kuš-eš-e doctor Mahmud Rafi'i. Tehrân: Hirmand, 1394 (in Persian).

- Huseini Âbbâriki, Seyyed Ârmân. “Barresi-ye vizhegihâ-ye zabâni va dasturi-ye dobeitihâ-ye Bâbâ Tâher Oriân-e Hamadâni” [A Study in Linguistic and Grammatical Peculiarities of Bâbâ Tâher Oriân-e Hamadâni’s Dobeitis]. *Peyâm-e Bahârestan*, 1392, no. 20, pp. 37–61 (in Persian).
- Ioannesyan, Youli A. “Izuchenie i osnovnye spetsificheskie cherty khorasanskoi gruppy dialektного massiva iazykov persidskogo, dari i tadjhikskogo” [A Study in and the Basic Specific Characteristics of the Linguistic Continuum of the Persian-Dari-Tajiki Dialects]. *Strany i Narody Vostoka*, 1998, vol. 30, pp. 62–82. Pamiati A.L. Griunberga. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).
- Ioannesyan, Youli A. “Kolebaniia glasnykh [A] i [E] v iskhode slov v khorasanskikh dialektakh” [The Vowel Variation [A]–[E] in Word Final Position in the Khorasani Persian Dialects]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 4 (iss. 39), pp. 5–12. DOI: 10.7868/S1811806219040010 (in Russian).
- Ioannesyan Youli A. *Geratskii dialect iazyka Dari sovremennogo Afganistana* [The Herati Dialect of the Dari Language of Modern Afghanistan]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1999 (in Russian).
- Ivanow, Wladimir. “Persian as Spoken in Birjand”. *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928, pp. 235–351 (in English).
- Ivanow, Wladimir. “Some Poems in the Sabzawari Dialect”. *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1927 (pt. 1) (in English).
- Ivanow, Wladimir. “Tabaqat of Ansari in the Old Language of Heart”. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1923, vol. 55, pp. 337–382 (in English).
- Ivanow, Wladimir. “The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia”. *Rivista degli studi orientali*. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1935, vol. 16: pp. 31–97 (in English).
- Kârang, Abd al-Ali. *Tâti va Harzani: do lahje az zabân-e bâstân-e Âzarbâijân* [Tati and Harzani: Two Dialects of the Ancient Language of Azerbaijan]. Tabriz: Šafaq, 1333 (in Persian).
- Kerimova A.A., Mamedzadeh A.K., Rastorgueva V.S. *Giliansko-russkii slovar* [A Gilani-Russian Dictionary]. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian).
- Kostygova, Galina. *Persidskie i tadjhikskie rukopisi Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki imeni M.E. Saltykova-Shedrina*. Ch. II [Persian and Tajiki Manuscripts of the Saltykov-Shedrin Public Library. Part 2]. Catalogue. Leningrad, 1989 (in Russian).
- Lazard, Gilbert. *La Langue des plus anciens monuments de la prose persane*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963 (in French).
- Mahmud al-Kašgari. *Divan Lughat at-Turk* [A Divan: Turcic Vocabulary]. Alma-Aty: Daik-press, 2005 (in Russian).
- Mann, Oskar. *Die Tâjik-Mundarten der Provinz Fârs*. Kurdisch-Persische Forschungen. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1909 (in German).
- Mohaqqeq, Mehdi & Âzar Rahim Salâmat. “Barresi-ye barx-i az vizhegihâ-ye sabki yâ tasvirhâ-ye šâ'erâne dar ghazaliât-e Hakim Nezâri-ye Qohestâni” [A Study in Some Stylistic and Poetic Imagery Peculiarities in Hakim Nizari Qohistani’s Ghazals]. *Faslnâme-ye taxassosi-ye sabkšenâsi-ye nazm-o nasr-e fârsi*. Sâl-e sevvom, no. 3, pâiiz-e [13]89, pp. 37–52 (in Persian).
- Mosaffâ M. *Divân-e Hakim Nezâri-ye Qohestâni (matn-e enteqâdi)* [The Divan of Hakim Nizari Qohistani (Critical Text)]. Bar asâs-e dah nosxe. Vol. 1–2. Tehrân: Mahârat, 1371 (in Persian).
- Osnovy iranskogo iazykoznaniiâ. Novoiranskie iaziki: Zapadnaia gruppy* [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Western Group]. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian).
- Rezaee J. *Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjšhenâsi-Dastur* [A Study in the Birjandi Dialect: Phonology, Grammar]. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998 (in Persian).
- Safarzadeh, Habib. “Pazhuheš-i dar guieš-e tâti-ye šomâl-e Xorâsân va kârbord-e ân dar tashih-o šarh-e motun-e adab-e fârsi” [A Study in the Tati Variety of Northern Khorasan and Its Use in Editing and Commenting on Persian Literary Texts]. *Majalle-ye dâneškade-ye adabiât-o olum-e en-sâni-ye Mašhad*, 1384, no. 159. Mašhad, pp. 67–88 (in Persian).
- Sho'ur, Asadolla. *Tarânahâ-ye Kohsâr* [Songs of the Mountains]. Ba Ehtemâm-e F. Faqiri. Kabul: Vezârat-e Ettelâ'ât-o Kultura, Matba'a-ye Dawlati, 1974 (in Persian).
- Šukurov M.Š., Kapranov V.A., Xošim R., Ma'sumi N.A. *Farhangi zaboni tojiki (az asri 10 to ibtidoi asri 20)* [A Tajiki Language Dictionary (10th–20th centuries)]. Vol. 1. Moscow, 1969 (in Tajiki).

- Tatarsko-russkii slovar v dvux tomakh* [A Tatar-Russian Dictionary in 2 Volumes]. Vol. 1. Kazan: Magarif, 2007 (in Russian).
- Tsabolov R.L. *Etimologicheskii slovar kurdsogo iazyka. V dvukh tomakh* [An Etymological Dictionary of the Kurdish Language in 2 Volumes]. Vol. 1 (A–M). Moscow: Vostochnaia literature, 2001 (in Russian).
- Wahby T. & Edmonds C.J. *A Kurdish-English Dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press, 1966 (in English).
- Xâniâni, Ali Akbar Sâm & Šarefi, Ra'nâ. “Simâ-ye ma’šûq dar ghazaliât-e Hakim Nezâri” [Image of the “Beloved” in Hakim Nizari’s Ghazals]. In: *Majmu’e-ye maqâlât-e hamâyeš-e melli-ye naqd-o tahlil-e zendegi, še’r va andiše-ye Hakim Nezâri-ye Qohestâni*. [Birjand]: Dânešgâh-e Birjand, 1393, pp. 1678–1696 (in Persian).
- Zâre Šâhmarsi, Parviz. *Farhang-e Šâhmarsi (fârsi-torki)* [Šâhmarsi Dictionary (Persian-Turkic)]. Tabriz: Axtar, 1388 (in Persian, Azeri).
- Zhukovskiy V. *Materialy dlia izucheniia persidskikh narechii. Part 2. Dialekty Polosy Goroda Semnana etc.* [Materials for a Study of Persian Varieties. Dialects of the Region of Semnan etc.]. Petrograd: Printing House of the Russian Academy of Sciences, 1922 (in Russian).

Two Obscure Verses in Nizari Quhistani’s *Divan*

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.03.2021.

Abstract: The article deals with two unclear verses in Nizari Quhistani’s *Divan* on the basis of a manuscript in the Russian National Library. These verses are composed in an unknown dialect (unknown dialects?) and are usually omitted by editors and publishers of Nizari’s poetry in Iran, because they are missing in many transcripts or considered “corrupt” by editors who do not comprehend their meaning. The author, based on dialectological data (both Persian and Iranian) and a comparative analysis of Nizari’s verses in a broader context, puts forward hypotheses and makes suggestions that may cast light on possible ways to interpret the obscure verses.

Key words: Nizari Quhistani, Persian mystical poetry, Iranian dialectology.

Acknowledgements: I express gratitude to the IOM junior researcher M.A. Kozintsev for consulting me on certain issues related to Turkic languages and to the IOM consultant Dr. Z.A. Yusupova for referring me to a valuable source.

For citation: Ioannesyan, Youli A. “Two Obscure Verses in Nizari Quhistani’s *Divan*”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2021, vol. 18, no. 4 (iss. 47), pp. 53–75 (in Russian). DOI: 10.17816/WMO83933.

About the author: Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com).